

ТАТЬЯНА БОЧАРОВА

ГЕНЕТИ
ЧЕСКАЯ

ОШИБКА



Детектив сильных страстей. Романы Т. Бочаровой

Татьяна Бочарова
Генетическая ошибка

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бочарова Т. А.

Генетическая ошибка / Т. А. Бочарова — «Эксмо»,
2021 — (Детектив сильных страстей. Романы Т. Бочаровой)

ISBN 978-5-04-122752-4

Марина искренне любит свою работу, мужа, родителей, учеников и даже свекровь, в ее ближайших планах – стать счастливой матерью. И все в ее жизни идет как надо, пока не происходит трагическое ДТП. Под колесами автомобиля Марины гибнет пешеход, в дальше суд, приговор, колония... С одной стороны, Марина наказана справедливо. С другой – похоже, что авария произошла не случайно. Удастся ли Марине избавиться от клейма убийцы? Ведь вернуть ее к нормальной жизни на свободе может только тот, кто и отправил в тюрьму...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-122752-4

© Бочарова Т. А., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

1	5
2	11
3	14
4	16
5	20
6	24
7	26
8	28
9	29
10	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Татьяна Бочарова

Генетическая ошибка

1

– Мариша, кажется, пирог подгорает!

– Все в порядке, Нонна Терентьевна. Просто убавьте температуру. Я сейчас подойду.

Марина ловко вдела в ухо перламутровую сережку, тряхнула блестящими каштановыми волосами и с удовольствием оглядела себя в зеркало. Из отражения на нее смотрела ладная и подтянутая молодая женщина с задорно вздернутым носиком, усыпанным нежными веснушками, и веселыми серо-зелеными глазами. Вроде все о'кей.

– Мариночка, я боюсь, сторит, – донеслось из кухни.

– Черт, – вполголоса выругалась Марина и взглянула на часы. Времени просто в обрез.

И принесло же свекровь прямо сейчас, когда она так спешит.

Марина выдохнула и сделала приветливое лицо.

– Иду, Нонна Терентьевна. Сейчас.

Она выбежала в кухню. Свекровь, согнувшись в три погибели, изучала сквозь стекло духовки пирог, спокойно наливающийся румянцем.

– Не привыкла я к электрическим духовкам, – пожаловалась она Марине. – С газовой все просто.

– С электрической еще проще. – Марина осторожно отодвинула Нонну Терентьевну от плиты и приоткрыла дверку. – Вот видите, ничего не горит. Был бы запах. А так, через пять минут он будет готов. – Она захлопнула дверцу и хотела было вернуться в комнату, но женщина остановила ее, взяв за руку.

– Прости, Мариш, я знаю, что не вовремя. Страсть, как захотелось вас увидеть. Вот, мешаю тебе, старая дура.

– Нонна Терентьевна, ну какая вы старая? Что за глупости? И мы всегда рады вас видеть. Все, я побежала. Мне через две минуты выходить. Насчет пирога не переживайте, таймер сам сработает. Сережка скоро с работы вернется, дождитесь его и садитесь кушать. В большой кастрюле на плите куриный бульон, на сковородке котлеты. Потом чай пейте с пирогом. Я скоро буду. – Марина чмокнула свекровь в щеку.

– Ладно, Маришенька. Я все поняла. Спасибо тебе. – Нонна Терентьевна уселась за стол.

Марина метнулась в комнату. Мазнула по губам помадой, пшикнула на себя из флакончика любимыми духами. Взяла телефон с подзарядки и выбежала в прихожую. Проверила в сумке паспорт и права.

– Все, я ушла, не скучайте.

– Удачи.

Хлопнула дверь. Марина сбежала по ступенькам с третьего этажа и той же легкой, воздушной походкой пересекла двор. Пискнула сигнализация. Чистенький голубой «Пежо» приветливо мигнул фарами. Марина уселась за руль и глубоко вздохнула.

Визит свекрови пришелся совсем некстати. Через полчаса ее ждет врач, один из лучших гинекологов в городе, профессор, светило медицины. Не хватало еще опоздать.

Марина повернула стартер и улыбнулась в зеркальце своему отражению. Ее переполняла радость. Сегодня ей скажут, что ничто не мешает ей в ближайшем будущем стать мамой. И она станет ею обязательно! Анализы все в норме, курс витаминов пропит. Узи отличное. Остается лишь выслушать рекомендации высококлассного специалиста и договориться с ним на ведение беременности.

Марина, мурлыча веселый мотив, лихо крутанула руль, выехала со двора и свернула на шоссе. Конечно, можно было и не ездить к этому светиле, обойтись какой-нибудь обычной частной клиникой, и вышло бы значительно дешевле. Но Марина привыкла во всем пользоваться самым лучшим. Потомство – дело серьезное, нужно быть уверенной на все сто, что не будет никаких неприятностей.

Машина весело неслась по трассе, за окнами мелькал уже знакомый пейзаж. Марина включила магнитолу и слегка покачивала головой в такт музыке.

Зазвонил телефон. Нинка. Марина прижала трубку к уху.

– Да!

– Ну что? Едешь? – Нина была в курсе Марининых планов.

– Еду. Опаздываю жутко. Нонна Терентьевна вдруг пожаловала с самого утра. Пришлось ставить пирог, ну и все такое.

– Да ладно тебе, Мар, свекруха у тебя хорошая, не то что моя бывшая. Вот та мегера мегерой была, клянусь.

Марина поморщилась. Нинка обожала говорить по телефону, и отвязаться от нее было очень сложно. Движение же вокруг было достаточно оживленным.

– Нин, я за рулем. Давай попозже созвонимся.

– Ну погоди, – заканючила Нинка, – поболтай со мной хоть пару минут. Ты же отлично водишь, чего тебе. А то такая тоска одолела с самого утра.

Марине стало жаль подругу. Нина не так давно пережила тяжелый развод и теперь находилась в перманентной депрессии, которую периодически заливала довольно крепким алкоголем.

– Ну хорошо, давай поболтаем, – согласилась Марина и пошарила в сумочке в поисках гарнитуры.

Однако наушников не было. «Что за черт!» – удивилась она. Наушники всегда лежали у нее в сумке, в одном и том же кармашке. Марина еще порылась на всякий случай в других отделениях, но гарнитуры как след простыл. «Очевидно, вытащила ее вчера для чего-то и забыла», – решила Марина.

Нинка уже весело щебетала ей в ухо. Разговор шел об очередном ухажере, которых после развода у подруги было пруд пруди, и всякий ровно на одну ночь. Нинка на полном серьезе не понимала, почему познакомившийся с ней в баре мужик после страстной ночи исчезает без следа.

– Ведь все было супер, – жаловалась она Марине, – ему понравилось, я точно видела. Почему же он не звонит?

– Нинок, – устало вздохнула Марина. – Может, тебе того... не стоит так сразу... – Она замялась, подыскивая слова, которые не обидели бы подругу.

– Ты имеешь в виду, не сразу в постель ложиться? – напрямую брякнула Нина.

– Ну да, – растерянно согласилась Марина. У нее от телефона вспотело ухо и свело шею.

– Ну а как? – горячо зашептала Нина в трубку. – Мы же взрослые люди. Если я вижу, что это мой мужик!

– Ты так о каждом говоришь, – не выдержала Марина. – У тебя что не мужик – обязательно твой суженый. Как так можно, Нин? Ты же их первый раз видишь, да еще и бухих! В баре.

По краю дороги зарядила вереница кустов. Марина было притормозила, но, взглянув на часы, снова прибавила скорость. С этой Нинкиной болтовней и пробками при выезде из района она уже прилично опаздывала. Марина включила громкую связь и кинула телефон на соседнее сиденье. Какое блаженство! Нинка что-то крякала в трубку, Марина с наслаждением выпрямила спину и покрутила шей.

– Эй! Я вообще тебя не слышу! – возмущенно гавкнула трубка.

– Сейчас, сейчас. – Марина с сожалением выключила динамик и снова взяла телефон.
– Ну так вот, ты мне не ответила. Позвонить мне ему самой? Или подождать до вечера?
– Позвони, – обреченно согласилась Марина, надеясь таким образом избавиться от надоевшего разговора. – У тебя номер-то есть?
– Вот то-то и оно, что нет. Но я знаю, где его взять. У бармена есть, Толик там завсегда. Я тогда сейчас дую туда и...

Впереди показался знак «дорожные работы» и ограничение скорости «40». Марина с досадой мотнула головой: сколько она здесь ездит, и постоянно тут все перекопано. Когда уже закончат этот бесконечный ремонт? Дорога сузилась и перешла в однополосную. Марина слегка нажала на тормоз, продолжая удерживать телефон между плечом и ухом.

Внезапно какая-то большая серая тень закрыла лобовое стекло. Марина вздрогнула от неожиданности и изо всех сил вдавила педаль в пол. Раздался тихий хлопок, машина дернулась, Марина клюнула носом в руль. На какую-то долю секунды она потеряла сознание, но тут же пришла в себя.

За окном клубилось облако пыли. Марина дрожащими руками отстегнула ремень и дернула за ручку дверь. Тут же на колени ей капнуло что-то горячее. Кровь. Из носа струей текла кровь, заливая новенькую белоснежную блузку. Марина выхватила из сумочки пачку влажных салфеток, поспешно вскрыла упаковку и приложила несколько салфеток к носу. Похоже, она налетела на что-то. Что-то было на дороге. Но как она не заметила? Теперь не хватало только опоздать к врачу.

Марина, стараясь держать лицо запрокинутым, вылезла из машины. Сделала шаг вперед, и у нее подкосились ноги: прямо под колесами «Пежо» в пыли лежал окровавленный мужчина. Марина кинулась к нему, схватила за плечо.

– Послушайте! Вы живы? Я сейчас вызову «Скорую»!

Она не помнила, что лепетала. В голове ее звучал отчаянный голос: не может быть! Этого не может быть! Откуда он выскочил на ее голову? Она могла поклясться, что никого поблизости не было.

Рядом остановилось несколько машин. Из одной вышел молодой парень в кожаной куртке и ярко-голубых джинсах. Подошел, присел на корточки перед пострадавшим, взял его руку, запачканную грязью и кровью, и стал слушать пульс.

– Скверно. Сердце не бьется. – Он внимательно посмотрел на Марину.

– Как не бьется? – Марина почувствовала, что пальцы рук становятся ледяными. – Вы что такое говорите?

– Пульса нет. Я врач. – Парень встал. – Надо звонить.

– Куда звонить? – Марина криво улыбнулась. – В ГИБДД?

– Да. И в «Скорую». – Он глянул на нее и добавил чуть мягче: – Как же вас угораздило? Здесь же ограничение скорости.

Марина опустила голову.

– Вы ранены? – спросил ее парень. – У вас кровь. Давайте помогу.

– А, ерунда, это из носа, – хрипло прошептала Марина.

Она никак не могла выйти из ступора. Парень осторожно усадил ее в машину и стал звонить.

Марина сидела, тупо глядя в стекло. Ее мутило, но кровь больше не шла. Надо, наверное, позвонить. Сережке, врачу, отменить запись. Она поискала глазами телефон. Вот он, лежит на полу, под пассажирским сиденьем. Марина подняла его и набрала доктора.

– Да, Марина Владимировна, – отозвался тот. – Я жду вас. Вы скоро?

– Простите, Вадим Артурович. Я не приеду.

– Не приедете? Почему? А я вас ждал. У меня для вас есть кое-что важное. Что-то случилось?

– Да. Случилось. Я сбила человека. – Марина нажала на отбой, не дослушав ответ. Теперь Сергей. Она ткнула пальцем в экран. Раздались гудки.

– Да, милая, – отозвался веселый Сережкин голос. – Я уже дома! Пирог прелесть! Мы с мамой пьем чай.

– Сереженька, у меня беда. – Марина почувствовала, как предательски защипало в носу. – Ты можешь бросить все и приехать? Скорей!

– Приехать куда? – удивился Сергей.

– Я скину локацию. Пожалуйста, садись в машину и приезжай. Немедленно! Я... я наехала на пешехода.

– Как наехала?! Ты что, Мариночка? Как ты умудрилась? Надеюсь, он цел?

– Сережа, он не дышит! Пожалуйста, я умоляю тебя, приезжай.

Позади послышалась сирена «Скорой». Из подъехавшей машины выскочили врачи и склонились над распростертым на земле телом. Марина поспешно отключила вызов и, выйдя на дорогу, молча наблюдала за их действиями. Вокруг уже плотным кольцом столпился народ.

– Ну тут уже все. Остановка сердца. Смерть наступила сразу же. – Один из врачей, средних лет мужчина с рыжеватыми усиками, принялся что-то строчить в планшете. Двое других, парень помоложе и симпатичная черноволосая девушка, о чем-то тихо переговаривались.

Подъехала машина ГИБДД. Из нее вышел полный, похожий на Винни-Пуха майор и вразвалку направился к толпе. За ним шли двое экспертов-криминалистов.

– Попрошу всех разойтись. Не мешайте работать специалистам. Остаются свидетели, те, кто видел, как произошел наезд. Остальные едут по своим делам.

Он кивнул оперативникам, и те, расчехлив инструменты, принялись изучать место аварии – фотографировали, осматривали дорожное покрытие, измеряли тормозной путь и прочее. Майор тем временем подошел к рыжеватому доктору, перекинулся с ним парой слов, затем сфокусировал взгляд на Марине.

– Вы были за рулем?

– Я.

– Давайте документы. Все давайте, права, паспорт, страховку, регистрационную карточку.

– Да, хорошо. Сейчас. – Марина трясущимися руками сгребла документы из бардачка и протянула их майору.

– Моя фамилия Специй, – представился он будничным тоном и углубился в бумаги. Внимательно изучив их, кивнул: – Так, ладно. Теперь пройдемте ко мне в машину, я должен освидетельствовать вас на предмет наличия в крови алкоголя.

Марина прошла вслед за майором и дыхла в трубку.

– Расскажите, как было дело, – потребовал Специй.

– Я ехала. После знака снизила скорость.

– До сорока? – перебил Специй.

Марина мгновение поколебалась. Все равно они все узнают.

– До 50. И вдруг... вдруг этот человек кинулся мне под машину.

– Как это кинулся? – Специй смешно надул толстые щеки. – Стоял, стоял – и бросился под колеса? Так, что ли? Или он пытался перейти дорогу в неполюженном месте? А?

– Ничего он не пытался. Просто рухнул под мою машину. – Марина в отчаянии сжала пальцы в кулаки, так, что ногти впились в кожу.

– Нарочно? Суицид? – Специй снова надул щеки и вытер вспотевший лоб. – Вы что же, совсем его не видели?

– Совсем, – подтвердила Марина.

– Да где ей людей-то видеть! – послышался вдруг резкий и пронзительный женский голос. Марина обернулась и увидела толстую тетку с обесцвеченными завитками на лбу. – Я с ней

рядом ехала почитай от самой заправки. Все по телефону трещала, не переставая. Когда ж это кончится? Телефоны эти запретить надо за рулем, товарищ майор. – Тетка угрожающе потрясла своими кудельками и с ненавистью глянула на Марину.

– Она правду говорит? – спросил ее Специй. – Вы в момент наезда говорили по телефону?

– Говорила, но...

– Ваши «но» меня сейчас мало волнуют. Камер тут нет, поэтому будем опираться на показания свидетелей и судмедэкспертизу.

Марина вдруг очнулась:

– У меня же есть видеорегистратор! Там все видно! Видно, как этот человек кинулся ко мне под колеса!

В крошечных, заплывших жиром глазах Специя зажглось нечто, похожее на любопытство.

– Ну. Покажите ваш регистратор.

Марина бросилась к «Пежо». Схватила камеру и вернулась к гибэдэдэшнику.

– Вот.

Он взял регистратор из ее рук. Ленивым движением прощелкал записи.

– Чего вы мне голову морочите! Тут последнее видео от позавчерашнего числа.

– Как от позавчерашнего? – растерялась Марина. – Не может быть!

– Смотрите сами. – Майор пожал плечами и протянул Марине камеру. Она судорожно уставилась в экран: действительно, ни сегодня, ни вчера ничего не записалось.

– Чистить надо иногда регистратор, – презрительно проговорил Специй. – Он же у вас переполнен, а режим «автоудаление» не работает.

Марина молчала, кусая губы. Сколько раз Сережка ругал ее за то, что она не удаляет устаревшие записи. Марина только рукой махала в ответ и беспечно смеялась. Вот и досмеялась.

– Итак, – нетерпеливо произнес Специй. – Подведем итоги. Вы ехали за рулем, разговаривая по телефону, не пользуясь специальными приспособлениями. Не снизили скорость на указателе. Не заметили человека, вышедшего на дорогу. Возможно, ему было нехорошо, возможно, он психически неуравновешен. Доказательств того, что он бросился вам под колеса, нет.

– Может быть, в машинах, ехавших рядом, есть регистратор? – робко проговорила Марина. – Там был парень-врач. Может, у него?

– Мы допросим его. Но вам по-любому придется ответить за то, что произошло. Вы водитель. Водитель должен быть бдительным. Даже если кто-то хочет угодить к нему под колеса – он должен заметить это и предвосхитить. Особенно если дело происходит на участке с ограничением скорости!

– Сажать таких сразу! – снова встряла злобная тетка, которая никуда не делась, а продолжала стоять рядом, с любопытством наблюдая за Мариной и майором. – Сразу за решетку! Убийца!

– Я бы попросил вас замолчать. – Специй недовольно поморщился.

Подошел один из экспертов.

– Товарищ майор, автомобиль технически исправен. Скорость превышена, правда ненамного.

– Все ясно, – мрачно проговорил Специй. – Продолжайте осмотр, – велел он эксперту и оставил на Марину тяжелый и хмурый взгляд. – Вам придется проехать с нами в отделение. Сразу предупреждаю, несколькими часами здесь не отделаться, звоните родным, предупредите. Возможно, вас не будет до самой ночи.

– До ночи? – испугалась Марина.

– Хорошо, если так. Смотря как следствие квалифицирует ваши действия. Если это административная ответственность – то до ночи. А если нет, то это уже уголовка. Можно и в СИЗО попасть. Так что – звоните.

При слове «СИЗО» Марину качнуло. Она судорожно сглотнула и принялась снова набирать мужа.

– Да, Мариш, я уже вышел. Скоро буду. Ты так и не сбросила мне точку.

– Послушай, Сереж, сюда ехать уже не надо. Меня везут в отделение полиции. Не знаю какое. Говорят, допрос может продлиться до ночи.

– Они что, с ума там посходили? – возмутился Сергей. – Он, этот тип, пришел в себя? Что, так сильно пострадал?

– Сереженька, он... он мертв. Он погиб... – Губы у Марины дрогнули, из глаз хлынули слезы.

– Все, едем. – Специй цепко взял ее за плечо.

– Мариш! Мариша!!! Я не понял! Повтори, что ты сказала... – клокотал в трубке голос Сергея.

– Уберите телефон, – жестко велел Специй. – Предупредили, и ладно. Потом еще будет возможность позвонить. Поехали.

Он посадил Марину в автомобиль и захлопнул дверцу. Взревела сирена. Машина выбралась из кольца зевак и понеслась по шоссе.

2

Они приехали в серое и мрачное двухэтажное здание. Специй привел Марину в кабинет на втором этаже. За столом сидела милостивая блондинка лет тридцати с хвостиком, с бледным и усталым лицом.

– Вот, Светлана Георгиевна, женщина человека сбила. Насмерть. – Он подтолкнул Марину вперед.

– Проходите, – отозвалась блондинка.

Голос у нее был слегка севший и надтреснутый, но спокойный. У Марины немного отлегло от сердца.

– Тут вот все бумаги, протокол осмотра. – Специй бухнул на стол внушительную стопку документов и вышел за дверь.

– Проходите, присаживайтесь, – повторила блондинка все так же хрипло. Марина подошла к столу и присела на краешек стула. – Паспорт давайте. – Женщина протянула руку. Марина заметила на ней вздувшиеся синие вены. Она вытащила из сумки паспорт и подала следовательше. – Красникова Марина Владимировна. Москвичка, – проговорила та, бегло взглянув на страницы. – Так. Меня зовут Петелина Светлана Георгиевна, я буду заниматься вашим делом. Расскажите по порядку, как все произошло.

– Я ехала к врачу, – проговорила Марина и почувствовала, что у нее пересохло в горле. – Можно... стакан воды?

– Конечно. Вон, кулер в углу. – Петелина кивнула. Марина встала, налила себе воды и жадно выпила. Затем вернулась к столу. – Вы ехали к врачу, – вполне доброжелательно повторила Петелина. – К какому, если не секрет?

– Не секрет. К гинекологу.

– У вас проблемы по женской части? – почему-то оживилась Петелина.

– Нет. Я просто хотела получить консультацию перед тем... перед тем как беременеть.

– Вот как. Ну хорошо. Дальше.

– Дальше... мне позвонила подруга. Близкая подруга. Она... у нее проблемы, и я должна была с ней поговорить.

– Вы пользовались наушниками?

– Нет. Я забыла их дома.

– Вы говорили по телефону, держа трубку в руках, будучи за рулем?

– Да. – Марина опустила голову.

– Но ведь это запрещено. Вы в курсе? Это нарушение, за него положен штраф.

– Я знаю. Я думала – всего пару минут.

Петелина углубилась в лежащие перед ней протоколы.

– Вот, свидетельница Осколова пишет, что ехала параллельно с вами минут десять, и все это время вы говорили по телефону. Это правда?

– Наверное. Не знаю. Мне казалось, что прошло меньше времени. Но... я не буду лгать.

– Правильно. Ложь вам сейчас не поможет. Расскажите, что было дальше. Вы заметили знак?

– Да. Но я... я очень спешила. Врач уже ждал меня...

– Ну как же можно спешить в такой ситуации? – Петелина посмотрела на Марину устало и укоризненно. – Вы же изучали ПДД. Вам наверняка говорили в автошколе, что они писаны кровью. Знак ограничения скорости просто так не поставят.

Марина почувствовала, как лицо заливает жар стыда.

– Ну я же притормозила, – пробормотала она.

Петелина достала из ящика стола носовой платок и вытерла взмокший лоб. Марина видела, что она ничего в принципе не имеет против нее, даже чувствует своеобразную женскую солидарность. И поэтому ей трудно.

– Дальше... Давайте дальше, – проговорила Петелина. – Как произошел наезд?

– Дальше был кошмар. Что-то темное метнулось сбоку мне под колеса. Словно большая черная птица. Машину дернуло. Я упала лицом на руль. Перед этим, разумеется, ударила по тормозам.

Петелина кивнула и снова погрузилась в бумаги, принесенные Специем. Марина терпеливо ждала. Та, казалось, уснула за протоколами. Лицо ее стало неподвижным, взгляд ослепел. Марина осторожно кашлянула. Следовательша подняла на нее глаза.

– Скажите, меня отправят в СИЗО? – спросила Марина.

– В СИЗО? – удивилась Петелина. – Кто вам это сказал?

– Тот майор, который... который приехал на место происшествия.

– Ну, нет. Задерживать вас никто не станет. Пока речь идет об административной ответственности. Конечно, в ходе следствия все может измениться. Сейчас надо будет написать все, что вы мне рассказали. Вот. – Петелина пододвинула Марине лист бумаги и ручку. – Пишите. Спокойно пишите, не торопитесь.

Марина кивнула и взяла ручку. Петелина неловко, боком вылезла из-за стола и пошла к кулеру. Марина с изумлением смотрела на ее огромный живот, обтянутый форменной юбкой. Беременна! Следовательша беременна, почти на сносях. Вот откуда бледный вид, красные глаза, вены на руках и хриплый голос. Бедная. Сидит в душном кабинете, на улице жара.

Петелина жадно выпила один за другим два стакана воды, откашлялась и вернулась на свое место. Марина послушно строчила на листе, изредка кидая на нее любопытные взгляды.

– Все.

– Дайте взглянуть. – Петелина взяла из Марининых рук листок, бегло проглядела его. – Так. Число поставьте и подпись. Подпись с расшифровкой. – Она вздохнула, едва заметно.

– Вы плохо себя чувствуете? – неожиданно для себя спросила ее Марина.

– Я? Плохо? Нет, с чего вы взяли. И вообще это не имеет отношения к делу. – Женщина в очередной раз промокнула платком лицо, на котором блестели бисеринки пота. – Вы можете идти. Вас вызовут.

– Точно могу идти? – Марина не тронулась с места, с недоверием глядя на следовательшу. У нее в ушах все стоял голос Специя, обещавшего ей ночь в изоляторе.

– Точно, – сухо подтвердила Петелина.

Марина вдруг поняла, как той не терпится, чтобы она наконец покинула кабинет. Наверное, у нее все болит: руки, ноги, живот. Хочется расстегнуть тугую форменную одежду, умыться холодной водой, прилечь в кресло.

– Спасибо. Тогда я пошла. – Марина встала и двинулась к двери.

– До встречи, – ровным голосом бросила ей вслед Петелина.

Марина вышла в коридор и увидела Сергея. Тот стоял у окна, вид у него был взволнованный и растерянный.

– Мариша! – Он кинулся к ней, заключил в объятия. – Тебя отпустили?

– Да. Как ты меня нашел?

– Добрые люди помогли. Все нормально?

– О чем ты? – Марина устало покачала головой. – Это только начало. Теперь меня сюда будут регулярно таскать. И... и неизвестно, чем все закончится.

– Все закончится хорошо. Ты ведь не виновата в том, что этот псих кинулся тебе под колеса! – Сергей, продолжая обнимать Марину за плечи, повлек ее к выходу. – Едем домой, там мама в обморочном состоянии. Я даже не стал ей всего пересказывать, сказал, что ты попала в аварию.

На глаза Марины навернулись слезы.

– Господи, Сереж, ну почему именно сегодня? Вообще – почему??? Я ведь хорошо вожу, я не думала, что может так случиться, даже не представляла...

– Перестань, родная, успокойся. – Сергей ласково чмокнул ее в висок. – Тебе нужно домой. Лечь в постель, выпить горячего чая. Поспать.

– И к врачу я не попала... – тихо и безнадежно прошептала Марина, прижимаясь к боку мужа.

– К черту врача. В следующий раз попадешь. Я вообще не понимаю, зачем нужен был этот визит. Только деньги тратить понапрасну и время. Мы оба абсолютно здоровы, это подтверждено анализами.

– Нужен, Сережа. Мне нужен. – Марина подчеркнула слово «мне». – Я хотела стопроцентной уверенности.

– Милая, стопроцентной уверенности не бывает. Видишь, ты предполагаешь, а человек бросается под колеса твоего автомобиля. Надеюсь, следствие докажет твою невиновность.

– И я надеюсь, милый.

Сергей распахнул дверцу своего «Фольксвагена», и Марина плюхнулась на переднее сиденье.

– Что с твоей машиной? – спросил ее Сергей, поворачивая ключ.

– Ее эвакуировали. Неизвестно, когда отдадут и сколько это будет стоить.

– Не думай об этом. – Сергей снова поцеловал ее, на сей раз в щеку. – Это чепуха. Главное, ты цела и невредима, а могла и пострадать от этого сумасшедшего. Подумать только – прыгнуть под машину! Кем это надо быть!

– Перестань, Сережа, – тихо и устало попросила Марина. – Я виновата, и еще как. Я должна, обязана была заметить его!

– Хорошо, не будем больше об этом. – Сергей выжал газ, и автомобиль отъехал от здания МВД. – Домой! И никаких дискуссий. – Он решительно крутанул руль.

3

Едва Марина и Сергей распахнули дверь квартиры, на них выскочила Нонна Терентьевна. Лицо у нее было сплошь в багровых пятнах – это означало, что давление зашкаливало.

– Боже мой! Мариночка! – Свекровь схватила Марину за плечи и крепко прижала к груди. – Я чуть с ума не сошла! Как ты?

– Я-то нормально. А вот вы, Нонна Терентьевна, должны срочно принять таблетку и лечь. – Марина с тревогой поглядела на пожилую женщину. Не хватало еще, чтобы пришлось вызывать «Скорую». У Нонны Терентьевны гипертонические кризы были не редкостью.

– Какое лечь! – замахала руками свекровь. – Я тебя сейчас кормить буду. Ты ж, наверно, голодная, бедная моя девочка!

Меньше всего Марине сейчас хотелось есть. Вернее, совсем не хотелось. Ее даже слегка мутило. Хотелось остаться одной, закрыться в комнате, задернуть шторы, лечь в кровать и закрыть глаза в спасительном полумраке. Ну, и чтобы Сережка сидел рядом и держал ее руку в своей. А еще гладил по голове и уговаривал, что все обойдется и забудется, как страшный сон. Но – увы – пришлось тащиться на кухню и, давась, есть суп собственного приготовления и пирог, который Нина Терентьевна таки умудрилась недопечь. От сырого теста в желудке у Марины начались спазмы.

– Ты совсем плохо выглядишь. – Нонна Терентьевна покачала головой. – Тебе надо выпить валерьянки. Или, может, чего покрепче? Коньячку, например?

– Коньячок – это мысль, – согласилась Марина.

Сергей кивнул, достал с полочки бутылку и три рюмки.

– Нет, нет, я не буду. И так голова трещит. – Нонна Терентьевна решительно отодвинула от себя стопку. – И вообще, поеду-ка я домой. Вам, наверно, хочется побыть вдвоем. А я мешаю.

– Глупости, мама, как ты можешь мешать? – вяло возразил Сергей. – Да к тому же за тобой нужен глаз. Вдруг приступ?

– Ничего не будет, – решительно проговорила Нонна Терентьевна. – Таблетку приму и лягу спать. Завтра созвонимся.

Она пошла в прихожую и долго возилась там, шаркая и звеня ключами. Марина понимала, что надо выйти и проводить свекровь, но тело ее словно свинцом налилось. Ноги приросли к полу, шея изнемогала под тяжестью головы. Она продолжала сидеть за столом в каком-то оцепенении. Сергей встал и пошел вслед за матерью. Слышно было, как они о чем-то переговариваются вполголоса.

– Ладно, счастливо вам, – раздался голос Нонны Терентьевны, и вслед за этим хлопнула дверь.

Марина дождалась, пока муж вернется в кухню.

– Ну? Что будем делать? Еще только девять тридцать. Ляжем спать? – Он налил в рюмки еще коньяку.

– Давай фильм какой-нибудь посмотрим, – неуверенно предложила Марина.

– С удовольствием, – тут же согласился Сергей.

– Я в душ по-быстрому, а ты пока скачай что-нибудь... что-нибудь позитивное. Комедию какую-нибудь. – Марина наконец заставила себя встать.

– Хорошо, зайка. – Сергей кивнул, взялся было за бутылку, но, махнув рукой, закрыл ее и вернул на полку. – Иди, расслабься.

Марина юркнула в уютную, отделанную разноцветной плиткой ванную. Быстро разделась, встала под теплые струи. Намылила голову душистым шампунем. Как хорошо! И тут же она похолодела. А вдруг это последний ее душ в белоснежной ванной, наполненной ароматами

дорогого парфюма? Вдруг ее признают виновной в смерти человека и посадят? И ТАМ не будет ни цветастой плитки, ни ароматного геля, ни мягких махровых полотенец...

Марина стряхнула с себя наваждение и резко выключила воду. Она не должна думать об этом. Петелина вполне адекватная женщина, наверняка с ней можно будет договориться. Если что – дать денег. Ей они будут очень кстати. Права, конечно, отнимут, ну да и черт с ними. Поживет пару лет без прав, потом восстановит. Разве это главное?

Марина оглядела себя в большое, в рост, зеркало, вмонтированное в дверь ванной комнаты. Красивая. Молодая. Очень молодая. Такой не место на нарах. У нее все должно быть хорошо. И обязательно будет малыш. Вот разберется с происшествием, и нужно будет потормошить Сережку. Пусть старается над сыном или доченькой.

Марина невольно улыбнулась. Взъерошила мокрые волосы, накинула на плечи огромное синее полотенце. Из спальни доносилась приятная музыка. Очевидно, Сергей нашел то, что просила Марина, какую-то лирическую комедию.

– Ты моя Афродита. – Он сидел на постели с пультом в руке и восторженно смотрел на полуобнаженную жену, стоящую в дверном проеме.

Марина улыбнулась, достала из шкафа шелковую ночнушку и, скинув полотенце, натянула ее на свежее, упругое тело. Затем помотала головой, стараясь слегка просушить волосы.

– Иди ко мне, – позвал Сергей и подвинулся на постели.

Марина послушно залезла к нему. Взгляд ее упал на прикроватную тумбочку – наушники лежали там, целые и невредимые. Черт бы их побрал! Сергей обнял ее и прижал к себе.

– Волосы еще не высохли, – шепотом сказала Марина, – промокнешь.

– Ерунда.

Пульт упал на пол. На экране большого телевизора по голубым волнам плыл белоснежный корабль. Губы Сергея коснулись Мариной шеи и стали медленно опускаться ниже и ниже. Миновали глубокий вырез рубашки и через шелковую ткань направились к животу.

– Сереженька, не сегодня. – Марина осторожно отстранилась. – Сегодня плохой день.

– Малыш, я же хочу тебя отвлечь, – жарко шепнул ей в ухо Сергей. – Тебе станет легче.

– Прости, я не могу.

Он кивнул, убрал руки и лег, отвернувшись к стенке.

– Спокойной ночи, малыш.

– Ты обиделся? – Марина ласково погладила его по голове.

– О чем ты? Спи, родная. Тебе нужно отдохнуть. Утро вечера мудреней.

– А фильм?

– Ну его. Завтра посмотрим.

Марина подняла пульт, выключила экран. В тем- ноте на полке горел лишь красный глаз электронных часов. Марина попыталась разглядеть, который час, но вместо этого погрузилась в мягкую мглу.

4

Сначала она спала без сновидений, ничего не ощущая и ни о чем не помня. Потом ее стали одолевать кошмары. В них она неслась по трассе на бешеной скорости, и прямо на зебре машина сбивала пешехода, подбрасывая его высоко вверх. Он лежал на асфальте в крови, а Марина пыталась закричать, но у нее выходило только тоненько и хрипло пищать. Тут же страшная картина сворачивалась, чтобы уступить место новой. Теперь мужчина сам шел навстречу Марининому автомобилю, надвигался неуклонно и жутко, как Терминатор. Она пыталась выкрутить руль, но он не поддавался. Машина и человек продолжали сближаться. Мужчина протянул руку и уперся в бампер автомобиля. Смял его, как сминают жестянку из-под пива. Марина снова закричала и проснулась...

Вокруг была темнота, лишь красный глаз часов продолжал подмигивать ей с тумбы. Рядом тихо и ровно сопел Сергей. Марина провела рукой по лбу – он был ледяным и мокрым. Она потихоньку, стараясь не задеть мужа, выскользнула из постели. Юркнула в коридор, зашла в ванную, предварительно щелкнув выключателем. Яркий свет ослепил ее. Постепенно, щурясь, она разглядела в зеркале свое бледное лицо с лиловыми кругами под глазами.

Нет, так нельзя. Надо что-то принять. Глицин, например, или новопацит. Марина судорожно рванула дверцу аптечного шкафчика, вынула блистер с таблетками. Недолго думая, вытащила одну и сунула в рот. Затем прошла на кухню и, налив в стакан воды, запила лекарство. Можно было лечь обратно в постель, но почему-то вместо того, чтобы идти в спальню, Марина уселась за кухонный стол. Тапочки она не обула, и ноги быстро замерзли, касаясь прохладной плитки на полу. Голые плечи тоже покрылись гусиной кожей. Однако Марина продолжала упрямо сидеть, слегка сгорбившись, подпирая лицо ладонями. За тонкой тюлевой шторкой было темно, лишь в отдалении пробивался тусклый свет фонаря.

Марина думала о том, что совсем скоро, через час с небольшим, настанет утро нового дня, и оно положит начало совсем другой жизни. Она убийца! Как ни крути, что ни говори, она убила человека. Даже если ее оправдают, вряд ли она сумеет когда-нибудь забыть об этом. Никогда больше она не сможет беззаботно смеяться, чувствовать себя легкой, почти невесомой, смотреть в глаза людям без страха и стыда...

Надо встать и идти спать. Тем более таблетка уже действует – у нее смыкаются глаза. Надо спать. Марина сделала над собой чудовищное усилие и встала. Постояла секунду, взглядываясь в темноту за оконным стеклом. Затем медленно пошла в спальню.

Сергей тихонько похрапывал под одеялом. В комнате царили уют и покой. Марина почувствовала, как ее одолевает дремота. Ноги ее подкосились, она с трудом дошла до кровати и юркнула Сергею под теплый бок...

...Как хорошо, что у нее есть Сережка. Милый, добрый, надежный друг, самый родной человек на свете. Они полюбили друг друга почти с первого взгляда, встретившись на вечеринке у общих друзей. Оба в то время оканчивали институты, Марина – иняз, Сережка – станкостроительный. У Марины был жених, деловой и сугубо положительный Ленчик Быковский. Они уже не раз обговаривали свадьбу, их родители общались и симпатизировали друг другу. В тот вечер Ленчик остался дома – у него разболелся зуб. Марина тоже хотела остаться, но все та же Нинка уговорила ее пойти:

– Там классно будет. Много хороших ребят. Может, мне повезет, кто-то приударит за мной. А одной неловко как-то, компания-то чужая. Ну что тебе стоит сходить со мной?

Марина дружила с Нинкой с первого курса института и очень ее любила, поэтому отказать не смогла. Приготовила Ленчику целый термос теплого полоскания, замотала ему щеку теплым шарфом, расцеловала и ушла, пообещав вернуться через несколько часов.

Компания действительно оказалась приятной и веселой. Несколько ребят из Станкина, еще один художник и две симпатичные, приветливые девушки, двоюродные сестры хозяйки дома. Хозяйка, Маша Павловская, или как все ее называли, Муся, приятельница Нины и Марины, окончила иняз два года назад. За это время она успела выскочить замуж и родить сына. Сейчас они с мужем праздновали годовщину своей свадьбы.

Почти все приглашенные были друзьями Мусиного мужа, из гостей самой Муси – только сестры и Нина с Мариной. Сначала посидели за столом, хорошенько выпили, закусили. Муся была знатной кулинаркой, все было чрезвычайно вкусно и разнообразно. Потом разбились на команды и стали играть в умные игры. Мальчишки блестяще шутили, дурачились, Марина и Нина смеялись не переставая. Марина заметила, что Нинка глазеет на одного из парней.

– Хорошенький, – шепнула Нинка Марине на ухо. Лицо ее от жары и алкоголя было свекольно-багровым, глаза хищно блестели.

– Ничего, – согласилась Марина.

Парень действительно был недурен собой, высокий, стройный, с густыми каштановыми волосами и смуглым румянцем на впалых щеках. Пожалуй, он был самым красивым из всей мужской компании. «А у Нинки губа не дура», – неожиданно для себя подумала Марина и тут же вспомнила про Ленчика. Как он там, бедный? Мучается, страдает, пока она тут веселится. Ей стало ужасно стыдно. Нужно немедленно уходить отсюда. Не хватает еще, чтобы она любовалась смазливой мальчишкой, которого видит в первый раз. И в последний.

Марина потихоньку встала. Нина, поглощенная игрой и гляделками с потенциальным кавалером, ничего не заметила, продолжая хохотать и пить шампанское. Марина вышла в коридор и сняла с вешалки свое пальто.

– Ты куда, Мариш? – В коридоре показалась Муся. – Что-то не так?

– Все так, Мусенька. Все прекрасно. У тебя отличная семья, и ты умница. – Марина чмокнула ее в щеку.

– А чего ж тогда уходишь? Мы ж еще не танцевали. Сейчас музыку включим, и айда. Кавалеров у нас хоть отбавляй, на всех хватит.

– Пойду я, Мусь, – твердо проговорила Марина. – Ленька там раскуксился. Флюс у него. К врачу надо, а он дрейфит. Никак не загоню. Плохо ему там одному, пойду. Ты уж не обижайся, хорошо?

– Ну что ты, какие обиды. – Муся обняла Марину и расцеловала в обе щеки. – Так рада вас видеть с Нинкой. Тебя особенно. Скучно дома сидеть. Я не об этом мечтала. Думала работать устроюсь, в хорошее место. А видишь, как вышло. Но ты не думай, – спохватилась она, – я ни о чем не жалею.

– Да я и не думаю. Все у тебя отлично, это видно невооруженным глазом. Пока, я побежала.

– Пока.

Марина вышла за дверь и спустилась по лестнице со второго этажа. Стояла поздняя осень, деревья почти все облетели, под ногами было сыро и слякотно, но сам воздух еще не слишком остыл и был приятно свеж. Марина не успела застегнуть пальто и теперь шла нараспашку, старательно обходя лужи и с удовольствием подставляя разгоряченное лицо легкому ветерку.

Позади хлопнула дверь подъезда. Она невольно обернулась и остановилась: к ней стремительно шел тот самый Нинкин красавчик. Двор был хорошо освещен, и Марина отчетливо видела его лицо, правильные черты, чуть волнистые волосы надо лбом. Он быстро миновал дорожку и остановился в шаге от нее. Повисла напряженная пауза, во время которой Марина лихорадочно соображала, как ей быть. Уйти? Заговорить первой? Спросить, почему он покинул вечеринку?

– Вы почему ушли? – спросил он, прежде чем она на что-то решилась. Голос у него был приятным и бархатистым.

– Мне надо. У меня... дела. – Марина не могла заставить себя оторваться от его лучистых карих глаз.

– Дела, – как эхо повторил он.

– А вы? – неожиданно для себя вырвалось у Марины. – Вы почему ушли?

– А я за тобой. – Он перестал выкатывать, и все вдруг стало до волшебного простым и понятным. Ноябрьский ветер, разноцветные фонари, отражающиеся в лужах, отдаленный шум автомобилей с шоссе. «Ленчик», – мелькнуло у Марины в голове.

– Я весь вечер на тебя смотрю. Ты такая... такая... – Он замялся.

Марина слегка коснулась его волос и тут же отдернула руку, точно обожглась.

– Какая? – спросила она, почему-то понизив голос до шепота.

– Очень-очень красивая. Я таких никогда не встречал. Так почему ты ушла? Мы могли бы потанцевать.

«У меня парень», – хотела сказать Марина, но вместо этого вдруг заодно тряхнула волосами.

– Ладно, пошли, потанцуем. Чуть-чуть, недолго.

– Вот это другой разговор, – обрадовался он. – Меня зовут Сергей. А ты Марина, я знаю, мне Муся сказала. Идем. – Он взял ее за руку и уверенно повел назад к подъезду.

Марине показалось, что асфальт слегка покачивается под ее ногами. Рука у Сергея была горячая, и от нее шел почти электрический ток, заставляя Марину дрожать и трепетать. Они зашли в квартиру, и первое, что увидела Марина, были Нинкины глаза, полные отчаяния и укоризны. Ну да, ведь Сергей ей понравился. Она имела на него виды. Не по-товарищески вышло, некрасиво и глупо. А Ленчик? Господи, что же это с ней творится? Марина вдруг почувствовала, что ей глубоко фиолетово. Все фиолетово: и Нинкина обида, и Ленчик с его флюсом, и необходимость объясняться с родителями, что-то им говорить...

Из гостиной доносилась приглушенная музыка. Сергей помог Марине снять пальто и увлек ее в комнату, где уже, тесно обнявшись, покачивались пары. Его руки сошлись у нее на талии. Глаза оказались совсем близко. А еще губы. Соблазнительные, пухлые, хорошо обрисованные. «Наверное, так бывает. Вот так, чтобы сразу и наповал», – подумала Марина и окунулась в райскую беспечность...

Ленчик ничего не понимал. Он был в отчаянии. Родители Марины тоже бушевали не одну неделю. Но она была непреклонна. Сергей в одночасье завладел ее жизнью, и ей было плевать на все пересуды. Нинка кидала трубку, Ленчик писал слезные эсэмэски. А Марина с упоением целовалась с Сережкой в подъезде его дома, в кинотеатре, в коридоре общаги.

Все складывалось как по маслу. Через две недели он познакомил ее с матерью. Нонна Терентьевна Марине понравилась – спокойная, доброжелательная, хоть и простоватая. Была, конечно, и ложка дегтя в бочке меда – будущая свекровь растила сына одна, муж ушел давным-давно. Нонна в Сереже души не чаяла, не могла прожить без него и двух часов. Звонила по сто раз, спрашивала, когда он вернется домой. Приходилось торчать у Сережки дома, есть Ноннину стряпню, которой та страшно гордилась и которую Марина в рот взять не могла – кухаркой Нонна была скверной. Марина насильно запихивала в себя бумажные котлеты и недопеченные пироги, делая вид, что ей очень вкусно. Сама же Нонна не переставала восхищаться Мариной – та готовила отлично, а главное, легко и быстро, не погружаясь в этот процесс на много часов. Готовить Марина научилась в общаге – ее родители жили во Владимирской области, ездить оттуда ежедневно в институт было тяжело, и мать добилась, чтобы дочери дали комнату в общежитии. Там сразу, на первом курсе, и выявился Маринин кулинарный талант – она готовила на всю комнату, нисколько этим не тяготясь. В целом же отношения с матерью

будущего мужа Марину вполне устраивали, она знала не понаслышке, от подруг, что бывает гораздо хуже...

С Сергеем они вскоре расписались, без пышных празднеств, но все же отметили скромным банкетом. Нинке пришлось смириться, похерить свою обиду и возобновить общение с Мариной – все-таки та была ее единственной подругой. Жили молодые душа в душу в квартире Сергея, доставшейся ему от бабушки, почти не ссорились, путешествовали, ходили в театр и на выставки, иногда любили выпить в теплой компании.

Лет пять Марина не думала о ребенке, наслаждаясь обществом мужа, любимой работой, возможностью посмотреть мир и пожить в свое удовольствие. А потом ее как накрыло. Невозможно стало смотреть на мамочек с колясками, дрожь пробирала до самых поджилков. Марина подолгу зависала возле детских площадок, смотрела на малышей в разноцветных комбинезонах, с красными щеками и сопливыми носиками. У нее от умиления на глазах выступали слезы.

Она четко изложила Сергею свои планы: сначала тотально проверить свое здоровье, потом беременеть. Он не возражал. Нонна Терентьевна, прознав про Марино желание, пришла в восторг.

– Внук! У меня будет внук! – приговаривала она, блаженно улыбаясь.

Лет ей было немало, за 60. Сына она родила поздно. Конечно, ей не терпелось помянуть малыша.

Все сошлось в приятном консенсусе. Марина через знакомых вышла на отличного гинеколога, созвонилась с ним, сдала все возможные анализы. Сергей тоже обследовался и оказался абсолютно здоровым. Дело было за малым – зачать и благополучно лелеять свой растущий живот. И вот теперь...

Марина прислушалась к ровному дыханию мужа. Спит. Он спит! Как он может спокойно спать, когда над их семьей нависла такая опасность? Впрочем, почему над семьей? Это над ней, Мариной, нависла опасность. Ей грозят тюремный срок и несмываемый позор. Она вдруг почувствовала какое-то ожесточение и отодвинулась на самый край кровати. Ей хотелось отчаянно зарыдать, но глаза были совершенно сухи. Марина судорожно вздохнула и закашлялась. Храп прекратился. Сергей заворочался, что-то буркнул со сна и сел на постели.

– Мариш! Ты чего не спишь? – Он сонно таращил на нее глаза. Она, привыкнув к темноте, хорошо видела его лицо. Волнистую линию волос надо лбом, красивые чувственные губы. – Ты почему на самом краю? – удивленно спросил Сергей. – Так же можно свалиться.

– Я... я... – Марина не договорила.

Внезапная лавина слез прорвалась наружу и хлынула у нее по щекам. Тело ее сотрясали рыдания.

– Ну что ты, что ты, девочка моя, что ты! – Сергей сгреб ее в объятия и тихонько гладил по спине, по волосам, по мокрому лицу. – Не плачь. Все уладится. Я не дам тебя в обиду. Вот увидишь!

Марина хлюпала носом в его крепких горячих руках и думала о том, какая она дура. Решила, что Сережка может отделиться от нее, оставить в беде. А он – вот он, рядом, готовый укрыть ее от всех проблем, сильный, смелый, надежный...

Потом она наконец уснула, уткнувшись мокрым носом в его плечо. Уснула спокойно, без сновидений и без навязчивых кошмаров.

5

Утром Марина почувствовала себя на удивление бодрой и спокойной. Сергей уже варил кофе на кухне, по привычке напевая себе под нос. Марина сладко потянулась, вскочила с постели и отправилась в ванную, по пути заглянув в кухню и чмокнув мужа в пахнущую корицей щеку. Вдоволь наплескавшись под душем, свежая и румяная, в одном полотенце, она уселась за стол.

Так повелось, что супруги утром завтракали редко, ограничиваясь чашкой кофе с крекером или круассаном, а ланч предпочитали съесть на работе. Кофе неизменно варил сам Сергей, получалось у него это отменно. Марина втянула носом упоительный запах.

– Боже, какой восторг! Я тебя обожаю! – Она ласково улыбнулась мужу.

– И я тебя, сокровище. – Он потрепал ее по мокрым волосам. – Мама звонила.

– В такую рань? – Марина глянула на часы – половина восьмого. – Она уже не спит?

– Она всю ночь не спала. Распсиховалась, хуже некуда.

– Да ладно. – Марина невольно дернула плечиком. – Скажи ей, что я как-то справлюсь.

Пусть не переживает так.

– Мы, – выразительно поправил ее Сергей. – Мы справимся. Она хочет приехать сегодня вечером.

– Зачем? – Марина с наслаждением отхлебнула кофе из чашки.

– Не знаю. Просто. Хочет быть рядом. Поддержать.

– Если честно, я надеялась сегодня вечером побыть с тобой вдвоем.

– Понял. – Сергей обезоруживающе улыбнулся. – Так ей и скажу.

– Зачем так? – испугалась Марина. – Скажи ей... скажи, что мы заняты. Что к нам гости придут.

– Боюсь, она не поверит. Гости в такой ситуации. Но о'кей, что-нибудь придумаю. – Сергей допил свой кофе, сполоснул чашку и, нагнувшись, снова поцеловал Марину. – Тебе не пора в институт?

– Да. Уже опаздываю. Сегодня первая пара. А ты? Когда на работу?

Сергей работал начальником отдела логистики и имел довольно свободный график. Иногда мог уехать на сутки, а иногда уйти из дома лишь к вечеру или вообще остаться.

– Я сегодня выходной.

– Так ты из-за меня вскочил в такую рань? Бедный! – Марина обняла мужа за шею.

– Почему бедный? Провожу тебя и лягу покемарить часа на два. – Сергей хитро подмигнул.

– Ах ты жучара! – Марина шлепнула его пониже спины. – Все ясно с тобой. Ладно, я одеваться.

– Интересное кино. Можно, я понаблюдаю? – Сергей, изловчившись, приподнял край Марининого полотенца.

– Нет, нельзя! Иначе я не попаду на работу. – Марина звонко рассмеялась и, вырвавшись из рук мужа, понеслась в спальню.

Она всегда собиралась быстро. Быстро одевалась, причесывалась, красилась. И всегда при этом ей удавалось выглядеть подтянуто и аккуратно. Через пятнадцать минут, полностью готовая, надушенная тонкими, изящными духами, Марина уже стояла у двери в прихожей.

– Ах, какой запах! – Сергей, вышедший проводить ее, с удовольствием принял. – Это те, что я тебе дарил на Восьмое марта?

– Нет. Это мне папа купил на Новый год. – Марина язвительно ухмыльнулась и взяла сумочку.

– Ах так! – Сергей шутливо округлил глаза. Затем спохватился: – Может, тебя подвезти до института?

– Нет, не надо. Я на автобусе доеду. Отдыхай. – Марина скрылась за дверь.

Она легко сбежала по ступенькам, вышла из подъезда и остановилась, глядя на место, где обычно парковала машину. Там нахально примостился старый, покоцанный «Матиз». «Рады стараться», – с досадой подумала Марина. Сердце ее тоскливо сжалось. Где теперь ее любимый малыш и когда она увидит его? Марина усилием воли отогнала грустные мысли и быстро пошла через двор к автобусной остановке.

Едва она села в автобус, зазвонил телефон. Марина глянула на экран – незнакомый номер. Отчего-то ей почудилось недоброе. Она нажала на прием:

– Слушаю.

– Марина Владимировна, это следователь Петелина. Мне нужно, чтобы вы явились ко мне в четверг, в 16:30.

– В четверг? – переспросила Марина. – Уже так скоро? Я думала, на следующей неделе.

– Нет, в этот четверг, – ровным тоном, без раздражения повторила Петелина.

По четвергам у Марины в вузе было заседание кафедры. Она обязана была присутствовать на нем.

– А перенести никак нельзя? – робко спросила она следовательницу. – Хотя бы чуть попозже.

– Перенести нельзя. – В голосе Петелиной наконец послышался металл.

– Хорошо, я вас поняла. Буду. – Марина спрятала трубку.

Интересно, что еще этой беременяшке нужно от нее? Она ведь все выпросила и записала, да еще перед этим толстяк Специй все так же дотошно выпросил и зафиксировал в протокол. Пока Марина думала и гадала, подоспела ее остановка. Она чуть не проехала ее, потому что не привыкла добираться до работы общественным транспортом.

Здание института, как обычно, радовало глаз белыми мраморными колоннами. Марина обожала смотреть на широкие ступени и на витые портики, устремленные в небо. День выдался солнечный, и в дочиста отмытых стеклах старинных окон с решетчатыми рамами плясали трепетные солнечные зайчики. Марина невольно улыбнулась. Ее детище, ее храм, место, где она чувствует себя живой и счастливой. И тут же ее больно кольнуло тревожное чувство. Что, если ее лишат этой радости, навсегда отняв возможность преподавать из-за судимости? Это показалось Марине столь жестоким, что она машинально замотала головой и, закусив губу, побежала через дорогу к зданию.

Первым, кто попался Марине навстречу, был доцент Мишка Смирнов. Несуразно длинный и тощий, в смешных старомодных очках, он стоял перед доской с расписанием, задумчиво изучая наспех прищипленный сбоку листочек с правками. При виде подошедшей Марины он оживился.

– Ты понимаешь что-нибудь? Я – ничего! – Смирнов звучно прищелкнул длинными худыми пальцами. – Может, ты мне объяснишь?

– Чего ты не понимаешь? – удивилась Марина.

– Вот здесь. – Смирнов ткнул указательным пальцем в листок. – Тут должен был быть второй курс. А значится третий. Моя пара! Я не веду третий курс. Откуда он здесь взялся?

Марина взглядела повнимательней. Действительно, напротив фамилии Смирнова значилась пара у третьего курса.

– Ну, Миш, я не знаю, спроси у Григория Ильича. Возможно, это замена, кто-то скоропостижно заболел. Бывает.

– Бывает, – сердито нахохлился Смирнов. – А почему меня не предупредили? Должны были по крайней мере позвонить! Мы на этой паре со вторым курсом собирались провести семинар.

– Проведете в следующий раз, – утешила его Марина.

У нее сегодня были все четыре пары. Это значит, до четырех. И потом еще подготовительные курсы.

– Безобразиие. – Продолжая бормотать что-то себе под нос, Смирнов побрел в учебную часть.

– Мариш, привет! – окликнули Марину сзади. Она обернулась и увидела преподавательницу литературы, Ольгу Тимофеевну.

– Ты чего такая задумчивая? – Та удивленно подняла брови.

– Задумчивая? Я? – Марина пожалала плечами. – Да нет, все нормально. Просто тут Смирнов сейчас бушевал, ему методисты вставили лишнюю пару. Пошел разбираться.

– Так это за Аверину, – уверенно произнесла Ольга Тимофеевна.

– За Аверину? А что с ней?

– А ты ничего не знаешь? Инсульт у нее. В реанимации со вчерашнего дня. Муж звонил. Она теперь до конца семестра не выйдет. Вот спешно и покромсали расписание.

– Господи, вот несчастье, – тихо проговорила Марина.

– Да уж, врагу не пожелаешь. Сильный инсульт, говорят, она без сознания. Врачи ничего не обещают. – Ольга Тимофеевна вздохнула и полезла в сумочку за ингалятором – она была давним астматиком.

Марина кивнула ей на прощание и пошла к своей аудитории. В голове ее вертелась навязчивая мысль: вот так когда-нибудь будут и ее обсуждать. Только не то, как она попала в реанимацию, а как сидит за решеткой. Марина в который раз за день сердито встряхнулась, будто сбрасывая с себя наваждение, и решительно распахнула дверь.

Несмотря на то что до начала занятия оставалось не меньше десяти минут, многие места были уже заняты. Марина улыбнулась студентам, обнажая жемчужные зубки. Среди преподавателей института она слыла самой либеральной и продвинутой, многие ребята шуточно пытались за ней ухаживать, но, впрочем, никогда не переступали черту. Марине это даже нравилось, ее всегда можно было увидеть в коридоре в окружении двух-трех поклонников. Они носили ей учебники, тетради с лекциями, иногда бегали в буфет за кофе с круассанами, с готовностью подавали пальто и оказывали прочие приятные услуги. Интересно при этом отметить, что женская половина студенчества практически не ревновала своих однокурсников к хорошенькой преподавательнице, а, наоборот, испытывала по отношению к ней такую же симпатию. В этом была вся Марина – она с легкостью ладила и с мужчинами, и с женщинами, всегда умела поддержать любой разговор, вовремя сказать что-то ободряющее, к месту рассмеяться.

– Доброе утро, – поздоровалась Марина с ребятами.

– Доброе, Марина Владимировна, – весело отозвались те.

– Кто рано встает, тому бог дает, – похвалила их Марина. – А те, кто долго спит, в конце концов много потеряют.

– Я бы тоже с удовольствием поспал, – заметил Коля Сопелкин, симпатичный веснушчатый и рыжий паренек, сидевший на первом ряду. – Да вот незадача, мне ехать из Ногинска. Электричка ждать не будет, вот и приходится вставать в пять, да еще и приезжаю всегда заранее. Другая электричка позже, чем надо, приходит.

– Сочувствую, – искренне проговорила Марина и встала за кафедру. – Ладно, у вас есть пять минут подремать, а потом начинаем.

Студенты весело заржали.

День шел легко и непринужденно. К третьей паре Марина почувствовала небольшую усталость. Она сходила в буфет, подкрепилась куриным бульоном с пирожком и выпила свой любимый латте. Народ вокруг обсуждал несчастье, случившееся с Авериной.

– А я ей говорил! – брызгая слюной, кипел профессор Величевский. – Говорил, что так нельзя.

– Как? – выпучив глаза, насканивала на него пожилая математичка, Софья Севастьяновна.

– Как нельзя, Борис Евсеич?

– Как, как! С давлением шутить нельзя, вот что я вам скажу, матушка. Давление у нее было за двести, а она себе на работу ходила, на дачу ездила, грядки там окучивала.

– Какая я вам матушка, – обиженно надула губы Софья Севастьяновна. – Мы с вами почти ровесники. А давление и у меня скачет. Что ж теперь, на дачу не ездить?

Марина потягивала свой латте и слушала пожилых коллег с задумчивой полуулыбкой. Вот делать им нечего, как разводить сплетни. Разве этим помочь бедной Авериной? А руководству несладко придется, на Лидии Александровне держался весь образовательный процесс, кроме того, она возглавляла ученый совет и была завкафедрой. Кто теперь ее заменит?

Коля Сопелкин, полностью оправдывая свою фамилию, сладко посапывал у Марины под боком – он, как всегда, увязался с ней в буфет, пообедал, и его сморил сон.

– Эй, жертва ранних электричек, просыпайся. – Марина потормошила парня. – У вас пара сейчас начинается.

Сопелкин открыл глаза.

– А... что... Аверина сейчас? Капец! – И тут же пришел в себя. – Ах да, ее же нет. Замена. Да ну его, Смирнова этого, зануда такой. Не пойду. Лучше я у вас на англише посижу.

– Нет уж, Николай. Дуй на замену. У меня теперь другой курс посидит.

Марина допила кофе и устремилось к выходу.

В три часа позвонил Сергей:

– Зая, можешь говорить?

Он знал, что Марина не всегда имеет возможность взять трубку, если пара в разгаре.

– Могу, солнышко, – ласково прошептала Марина и тихо выскользнула за дверь аудитории.

– Как ты?

– Я в порядке. А ты чем занимаешься? Выспался?

– Отлично выспался. Уже пообедал. Вот, хочу к маме съездить. Что-то она прямо не в себе. И давление огромное.

– Давление? – Марина нахмурилась, вспомнив Аверину. – Да, конечно, поезжай. Вызови ей врача. С этим не шутят. Вот у нас завкафедрой, профессор, слегла. В реанимации, с инсультом. Так что быстренько вызывай.

– Понял тебя. Целую! Постараюсь вернуться до твоего прихода. – Сергей чмокнул трубку и отключился.

Марина представила себе пылающее лицо свекрови, и ее охватило волнение. Не дай бог, случится что. Нонна Терентьевна вообще сдала за минувший год. Один приступ за другим, то давление, то сердце. Вроде и возраст не такой уж старый, всего 67. Когда Марина с Сережкой познакомились, Нонна была свежей и бодрой, почти не болела, летала, как электровеник. И вдруг, почти в одночасье, превратилась в большую развалину. Да еще все принимает так близко к сердцу, плачет, расстраивается. Вот и вчерашнее, случившееся с Мариной, пропустила через себя... Марина кивнула своим мыслям и вернулась в аудиторию к студентам.

6

Домой она добралась к половине седьмого вечера. Скинула уличные туфли, курточку, вымыла руки и плюхнулась на мягкий диванчик в гостиной. Ноги с непривычки болели. Марина редко обходилась без машины. Сергей, тот привык ходить пешком и ездить на метро – «Фольксваген» они купили совсем недавно. Если нужно было ехать за город по работе, он брал служебный автомобиль. Над Мариной Сергей добродушно посмеивался, называя ее «моя прекрасная автоледи».

Марина сняла ажурные носочки и пошевелила пальчиками, покрытыми вишневым лаком. Ну где там Сережка? Снова застрял у матери. Врача они вызвали, интересно? Может, что-то серьезное? Марина набрала номер мужа.

– Зай, я еду. Скоро буду, – тут же отозвался тот.

– Как там мама? – поинтересовалась Марина.

– Ничего. Врач приходил. Сказал, по-хорошему, надо в больницу. Но ты же знаешь мать – ее в больницу не загонишь.

– А надо бы загнать, – вздохнула Марина и покрутила ступнями. – Ну хоть что-нибудь сделали? Помогли как-то?

– Сделали укол. Давление снизилось. Мы поужинали, и она уснула.

– Поужинали? Так ты не голодный? – Марина добродушно усмехнулась.

– Голодный, зая. Еще какой голодный. Мать – та еще стряпуха, ты в курсе. Так что, жинка, мечи на стол все, что там у нас есть.

– Мечу, – засмеялась Марина и положила телефон на тумбу.

Усталости как не бывало. Она босиком прошла на кухню и открыла холодильник. Что тут у нас есть? Остатки борща, салатик из тунца, пара кусков пирога, котлетки, которые Марина наvertsела в выходные. Пожалуй, салат с котлетками подойдут для милого семейного ужина. И вот еще чудесное итальянское сухое вино, скромно притулившееся на боковой полочке. Марина накрыла на стол, поставила салатник, фужеры. Котлеты крутились в микроволновке. В дверном замке завозился ключ.

– Зай, я дома! – Сергей заглянул из прихожей в кухню. – Вау, какой запах! Сейчас язык проглочу.

Они мирно и не спеша ужинали. Такие ужины были у них в привычке. Сергей включил магнитолау, и помещение окутал тихий блюз.

– За тебя, солнышко. – Он коснулся своим бокалом Мариного.

– И за тебя. – Марина не смогла подавить вздох.

Сергей пристально глянул на нее.

– Как ты вообще? Как настрой?

– Я в порядке. Настрой боевой. – Подбородок у Марины задрожал.

– Ну-ну, опять? – Сергей взял ее за руки и посадил к себе на колени. – Не думай об этом. Просто не думай, и все. Само собой все разрешится.

– Легко сказать – не думай. – Марина улыбнулась сквозь набежавшие слезы. – Следовательно звонила.

– Когда? Ты мне не сказала.

– Утром еще. По дороге на работу.

– Что хотела?

– Сказала прийти к ней в этот четверг.

– У вас же по четвергам кафедра.

– Ну да. – Марина быстро вытерла глаза. – Но теперь, может, ее отменят или перенесут. Аверина-то в больнице.

– Ясно. – Сергей нежно взъерошил ее волосы. – Ты пойдешь?

– А у меня есть выбор? – грустно усмехнулась Марина. – Да, конечно, нужно идти. А ты? – Марина посмотрела на него с надеждой и ожиданием. – Ты сможешь пойти со мной?

Сергей на мгновение задумался.

– Зай, я с завтрашнего дня работаю в области. Всю неделю. Не думаю, что успею вернуться до вечера в четверг. Ты прости, не сердись.

Марина закусила губу, стараясь не разреветься в голос. Весь день с самого утра она тайно лелеяла надежду на то, что пойдет к Петелиной не одна. Она была уверена, что Сережка не бросит ее и будет рядом. Выходит, ошибалась.

– Зай! – Сергей приподнял ее лицо за подбородок и нежно погладил по щеке, вытирая слезы. – Ну не рви мне сердце. Ты же знаешь мое начальство. Зверюги.

– Мне казалось, вовсе нет. Ты вполне распоряжаешься своим временем.

– Это только кажется. – Сергей вздохнул. – Я человек подневольный. Один просчет – и плакала квартальная премия.

– Пусть плачет, – с ожесточением проговорила Марина. – Лучше бы ты был со мной завтра. Пожалуйста, Сереж! – Она посмотрела на него с мольбой.

Он отвел глаза.

– Зайчик, прости, я правда не могу. Это важная поездка. В другой раз обязательно. А в этот ты как-нибудь сама справишься.

Марина кивнула скрепя сердце. Сергей сгреб ее в охапку и поцеловал.

– Пошли спать, малыш, завтра рано вставать.

7

Марине снилась родительская квартира. Они сидели за столом в гостиной, она, мать и отец, пили чай и разговаривали. Ей было спокойно и уютно, она с удовольствием разглядывала любимую с детства обстановку: старую, но крепкую мебель, картины на стенах, черное лакированное пианино в углу. Когда-то, учась в музыкальной школе, Марина любила играть на нем «К Элизе» и отрывки из Лунной сонаты. Ей захотелось попробовать. Она встала из-за стола, села на скрипучий вертящийся стул, открыла тяжелую крышку. Клавиши были слегка в пыли. Марина тронула их пальцами. Послышался глубокий, слегка надтреснутый звук.

– Давно не настраивали. – Мать подошла и встала рядом.

– Чувствуется. – Марина улыбнулась ей и заиграла Лунную. Инструмент, верно, был расстроен. Хороший, немецкий инструмент, отец покупал его за приличные деньги с рук.

– Надо вызвать мастера, – сказала мать.

– Надо, – подтвердила Марина и неожиданно почувствовала тревогу. Пальцы ее соскочили с клавиш, она перестала играть.

– Ты что? – удивилась мать. – Продолжай. Нам с отцом так нравится. Правда, Володя?

– Конечно, Вера. Ты знаешь, я обожаю, когда Маринка музицирует, – отозвался с дивана отец.

Но Марина не могла больше играть. Тревожное гнетущее чувство с каждой секундой все больше росло, овладевая всем ее существом.

– Ты чем-то расстроена? – спросила мать и обняла Марину за плечи. – Хочешь еще чаю?

– Да, пожалуй, – согласилась та.

Мать вернулась к столу и налила ей чаю в красивую перламутровую чашку.

– Ты давно не приезжала. Не было времени? Замоталась? Я знаю, мама Сережи у вас часто бывает. А с нами ты видишься все реже.

Марине стало стыдно. Это правда – она последнее время почти не ездила к родителям. Добираться до них больше двух часов, в рабочие дни совсем нереально, а в выходные у них с Сережкой все время были какие-то планы. Другое дело, Нонна – та живет неподалеку и сама постоянно навещается к ним в гости, часто и без спросу.

– Прости, мамуль. Я виновата. Просто дел много было в последнее время. – Марина поставила чашку на стол, подвинулась к матери, прижалась щекой к ее щеке.

– Что ты, родная, я вовсе не обижаюсь. Мы же все понимаем. Пробки, дороги плохие. Ехать одно мучение. Да и у вас с Сергеем своя жизнь, это нормально. Так у всех.

– И все-таки приезжай почаще, – встрял отец, подходя к столу. – Мама скучает. Ты даже не представляешь себе как.

– Почему не представляю? – Марина улыбнулась.

И тут же вспомнила про аварию. Вот откуда это гнетущее чувство тревоги. Она ведь ничего не рассказала родителям. Они не знают, что она под следствием.

– Мам, пап... – Марина замялась. – Мне надо вам кое-что сказать.

– Ты ждешь ребенка? – На лице у матери возникло беспокойство.

– Нет. Не в этом дело. – Марина опустила голову.

– Не в этом? – Мать вздохнула, как показалось Марине, с облегчением. – А я-то уж обрадовалась, – сказала мать и как-то странно моргнула несколько раз.

Марина с удивлением покосилась на нее.

– Я бы очень хотела тебя обрадовать, – проговорила она с грустью, – но боюсь, что новости не будут хорошими.

– Ты пугаешь нас, – снова заволновалась мать, – говори, не тяни.

– Я... я убила человека. Случайно. Сбила на машине.

– Господи, какой кошмар! И ты молчишь! – возмутился отец.

– Я боялась вас расстроить, – тихо проговорила Марина.

– Я вижу, весь вечер вижу, что ты какая-то не такая. – Мать обняла Марину и прижала ее к себе. – Бедная моя девочка. Вов, у тебя же был адвокат знакомый?

– Почему был? И сейчас есть. – Отец тоже обнял Марину с другой стороны. – Я сегодня же позвоню ему. Не переживай, все уладится. Мы не дадим тебя в обиду.

– Спасибо!

Марина чувствовала невероятное облегчение. В объятиях родителей ей было тепло и спокойно. Все будет хорошо.

– Все будет хорошо, – сказала мать. – Вот увидишь. Не надо паниковать. Людям приходится через многое пройти в этой жизни. Не приведи господь. – Она перекрестилась. В глазах ее блеснули слезы.

Марине вдруг показалось, что мать сейчас говорит не о ней, а о себе.

– Ты о чем, ма? – ласково спросила Марина. – Что-то есть, о чем я не знаю?

– Что ты, родная! Ничего нет. – Мать поспешно вытерла слезы.

Отец сумрачно смотрел куда-то в сторону.

– Я просто расстроилась из-за тебя, – тихо проговорила мать. – Но уверяю, все будет хорошо.

– Все будет хорошо, – эхом повторила Марина и проснулась...

В окно ярко светило солнце. Из кухни раздавался звон посуды. Значит, Сережка еще не ушел. Марина вскочила и босиком прошлепала в кухню.

– Соня. – Сергей улыбался ей с чашкой в руке. – Пора вставать, не то проспишь свои пары.

– Я что, не поставила будильник? – удивилась Марина.

– Похоже на то. – Он подмигнул ей. – Хорошо, что у тебя есть я, который просыпается с петухами. Кофе готов, прошу к столу.

– Знаешь, кто мне сегодня снился? – спросила Марина десятью минутами позже, когда они с мужем уютно потягивали латте из красивых стеклянных бокалов.

– Кто?

– Родители. Они обижались, что мы давно не приезжаем.

– Резонно, – согласился Сергей. – Мы действительно давно у них не были.

– Я сказала им про аварию.

– Во сне сказала? Или наяву?

– Во сне. – Марина опустила глаза.

– Почему ты им до сих пор не позвонила? – удивился Сергей. – Я был уверен, что они в курсе.

– Не знаю. – Марина тяжело вздохнула. – Я сама не своя все это время.

– Это я заметил. – Сергей встал и поцеловал ее. – Все, зай, я побежал. Звони, если будут новости. И ничего не бойся. – Он скрылся в прихожей.

Марина машинально допила кофе, так же машинально убрала чашки со стола. Хлопнула дверь. Марина взяла телефон и хотела было набрать мать, но взглянула на время и передумала. Рано, родители еще спят. Отец на пенсии, мать работает всего два дня в неделю. Сегодня у нее выходной. «Позже позвоню, из института», – решила она и пошла собираться на работу.

8

В институте только и разговору было про Аверину. Утром в деканат звонил ее муж – ей стало хуже. Состояние критическое, врачи сказали готовиться к худшему. Спешно собрали некоторую сумму на лекарства, обсуждали, у кого есть хорошие неврологи, на будущее, если все-таки пронесет. Марина в этой суете немного отвлеклась от своих мрачных мыслей. В обед она наконец дозвонилась матери.

– Вот ведь, легка на помине, – ахнула та в трубку. – Только сейчас отцу сказала – что-то Маришка совсем пропала, который день не звонит.

– Я не пропала, ма, – как можно мягче проговорила Марина. – У меня проблемы.

– Какие проблемы? – заволновалась мать. – Что случилось? Что-то со здоровьем?

– Нет, со здоровьем все в порядке. Мамуль, ты только не пугайся и не нервничай.

– Господи, да уж не тяни, – пролепетала мать, – говори сейчас же, что стряслось. Сергей изменил?

– Что ты! Вовсе не это.

– А что тогда?!

– Мама, я наехала на человека. Он вылетел прямо мне под колеса из кустов. Я его не видела, клянусь.

Воцарилась напряженная пауза.

– Он... жив? – совсем тихо спросил мать.

– Нет. Погиб.

– Бедная моя девочка! Какое несчастье! Почему ты нам сразу не сказала? Ведь тебе нужна помощь. Нужен адвокат.

«Точь-в-точь как во сне», – с суеверным трепетом подумала Марина.

– Прости, мамуль. Я не смогла сразу позвонить. Была в шоке.

– Да что ты извиняешься! Я же все понимаю. У отца есть отличный юрист. Он поможет тебе.

– Мамуль, я вас люблю.

– И мы тебя, детка. Может, нам приехать к тебе?

– Не стоит. Я сама постараюсь до вас добраться в выходные. Обещаю.

– Хорошо. Ради бога, звони, не пропадай.

– Обязательно.

Марина отключила вызов. От разговора с матерью ей стало легче. Какая она дура, что сразу не позвонила ей. Телефон грянул вновь. Сергей.

– Зай, как ты?

– Нормально. Поговорила с мамой.

– Вот и умница. Что она сказала?

– Ужасно разволновалась. Предлагала приехать прямо сейчас. И адвоката.

– Отлично, – бодро отозвался Сергей.

От его беспечного тона Марина ощутила болезненный укол в сердце, однако вслух ничего не сказала.

9

В четверг она провела свои пары, выпила кофе, аккуратно освежила макияж и поехала к Петелиной.

Чем ближе она подходила к зданию, тем тяжелее двигались ее ноги. Ей хотелось развернуться и убежать прочь. «Что за слюнтяйство! – укоряла себя Марина. – Сейчас же прекратить праздновать труса!» В конце концов, она же не преступница, этот псих сам выскочил ей под колеса, любой другой на ее месте точно так же не успел бы затормозить. Значит, нужно бороться за себя, свою честь и права. Нужно быть спокойной и твердой. Уговоры подействовали. Ноги Марины перестали дрожать противной мелкой дрожью, руки, бывшие ледяными, немного согрелись. Она решительно поднялась по ступенькам и зашла в КПП.

– К кому? – спросил молоденький парень-сержант.

– К Петелиной.

Он слегка замялся:

– Ну проходите.

Марина поднялась на второй этаж и пошла по длинному коридору. Когда она почти поравнялась с кабинетом Петелиной, дверь открылась, и на пороге показалась полная женщина средних лет с пасмурным и отрешенным лицом. Она взглянула мимо Марины и медленно побрела к лестнице. Марина вошла в кабинет и остановилась в растерянности. На месте Петелиной сидел молодой блондин в лейтенантских погонах.

– Здравствуйте, – слегка запинаясь, проговорила Марина.

– Добрый день. Ваша фамилия Красникова? Марина Владимировна?

– Да. – Марина удивленно уставилась на парня. Лицо у того было слегка красноватым, через белесые волосы просвечивала такая же розовая макушка. Ярко-голубые глаза пристально и в упор смотрели на нее.

– А где Светлана Георгиевна? – спросила Марина. – Она должна была меня тут ждать.

– Светлана Георгиевна родила, – будничным тоном произнес лейтенант.

– Как родила? – невольно вырвалось у Марины.

– Обыкновенно. Как рожают. Утром начались схватки, приехала «Скорая», отвезла ее в роддом. У нее сын.

Марина слушала лейтенанта, и ее невольно охватывала дрожь. Значит, Петелиной нет и не будет. Кто же станет заниматься ее делом?

– Вашим делом отныне занимаюсь я, – словно услышав ее немой вопрос, сказал блондин. – Меня зовут Владимир Петрович Ковалев. Проходите, присаживайтесь.

Марина, стараясь выглядеть спокойной и невозмутимой, прошла к столу.

– Так. – Ковалев пододвинул к себе из груды папок, лежащих на столе, одну, раскрыл титульный лист и бегло просмотрел его. – Значит, ехали на запрещенной скорости и разговаривали по телефону. Тормозили кое-как. Не заметили человека, вышедшего на дорогу. Кстати, видели женщину, которая сейчас здесь была? Это жена покойного Гальперина. У него остались несовершеннолетний сын и дочь-студентка. – Он пронзительно глянул на Марину, отчего у той по спине поползли мурашки. – Что молчите? – спросил Ковалев. – Не стыдно вам? Впрочем, таким, как вы, редко бывает стыдно.

Марину настолько ошарашил его тон, что она потеряла дар речи. По сравнению с выдержанной, доброжелательной Петелиной, краснолицый лейтенант выглядел настоящим хамом. Похоже, жесткость была его стилем работы.

– С чего вы взяли, что мне не стыдно? – не- много опомнившись, произнесла Марина. – Я безумно жалею о том, что стала виновницей гибели этого человека! Но, ей-богу – он скры-

вался в кустах, и его не было видно. Как он мог добровольно кинуться под колеса? Это же самоубийство.

– Как у вас все складно получается. – В голосе Ковалева прозвучала насмешка, но лицо его оставалось непроницаемым. – А я вам скажу на это вот что: Гальперин был серьезно болен. Онкология. Проходил лечение в больнице. После такого лечения люди часто теряют ориентацию в пространстве. Вот он и вышел из кустов. Оттуда кто угодно мог выскочить, ребенок, например. Побежал за ускокавшим мячиком, и вот он уже под колесами автомобиля. Вашего автомобиля, Марина Владимировна. – Он подчеркнул слово «вашего».

Марина молчала, понимая, что попала по полной. В отличие от беременной Петелиной, которой, в сущности, все было по барабану, новый следователь так просто от нее не отстанет. Душу вынет, достанет до печенок.

– Я все понимаю и не отрицаю свою вину, – тихо проговорила она, – но я очень прошу вас все-таки проверить версию самоубийства. Мой видеорегиистратор забарахлил, но майор, прибывший на место аварии, обещал мне допросить свидетеля, который, возможно, записал, как все произошло. Это молодой человек, врач по профессии, и...

– Давайте вы не будете мне указывать, как вести следствие, – резко перебил ее Ковалев.

– Я вовсе не указываю, я советую.

– Советы ваши тоже оставьте при себе. – Ковалев захлопнул папку и скрестил руки на груди. – Вот я смотрю на вас, Марина Владимировна, и вижу, что вам не жаль ни погибшего Гальперина, ни его семью. Думаете лишь об одном – как себя обелить. До сих пор не узнали телефон супруги покойного. Не позвонили, не предложили помочь материально. Ведь, судя по вашему виду, вы не бедно живете? Так?

Марина растерянно пожала плечами. Она не понимала, куда он клонит: действительно ли заботится о семье Гальперина или тонко намекает на то, что неплохо бы ему самому оказать материальную помощь. Марина много раз слышала, что следователи за определенное вознаграждение могут запросто поменять ход дела.

– Так прав я или нет? – слегка возвысил голос Ковалев.

Марина взяла себя в руки.

– Мы с мужем, конечно, не олигархи, но, безусловно, можем помочь семье несчастного. Мой адвокат свяжется с его супругой и все обговорит.

– А, у вас уже и адвокат есть, – колко произнес Ковалев. – А я-то по простоте душевной думал вам предложить нашего. Ну что ж. – Он достал из ящика стола какой-то бланк и положил его перед Мариной. – Вот. Заполните, и не смею вас задерживать.

– Что это?

– Это подписка о невыезде. Ваше дело квалифицируется как уголовное. Статья 109, причинение смерти по неосторожности.

Рука Марины дрогнула, листок плавно спланировал на пол.

– Нет! Не может быть! Светлана Георгиевна говорила мне только об административной ответственности.

– Ну, она наверняка предупреждала вас, что все может измениться.

– Что вы такое говорите? – Марина с трудом заставила себя взглянуть лейтенанту в лицо. – Это какое-то недоразумение. Если бы я сбила Гальперина на пешеходном переходе или, к примеру, была бы пьяна, то, наверное, мне действительно грозила бы уголовная ответственность. Но повторяю в сотый раз, он вылетел на дорогу из-за кустов в месте, где переход запрещен!

– А я вам повторяю, что человек был болен! Давайте теперь будем давить насмерть всех неаккуратных пешеходов. Так по-вашему?

Марина устало опустила голову. Она поняла, что бесполезно спорить с этим ярым блюстителем закона и защитником сирых и обиженных. Очевидно, он возомнил себя неким Робин

Гудом, а в ней видит только бессовестную нахалку, которая болтает за рулем по телефону без наушников и нарушает скоростной режим.

– Будете подписывать? – спросил Ковалев немного спокойнее.

– Да.

Марина подняла с пола бланк, заполнила нужные строки и поставила подпись.

– Отлично, – совсем миролюбиво проговорил Ковалев и спрятал бланк обратно в ящик стола. – Можете идти. Я вызову вас, если мне понадобится. Это передайте своему адвокату. – Он протянул Марине визитку с номером телефона.

– Спасибо. – Она спрятала визитку в сумочку и быстро, не оборачиваясь, пошла к двери.

Очувтившись в коридоре, Марина почувствовала, что ей нечем дышать, и рванула ворот блузки. Голова кружилась, в ногах была страшная слабость.

– Девушка, что с вами? Вы очень бледная. Вам нехорошо? – раздался откуда-то сбоку приветливый тенорок.

Марина обернулась и увидела совсем молоденького паренька в форме сотрудника ППС.

– Спасибо, я... мне... – Она не выдержала и разрыдалась.

– Ну, ну. – Парень осторожно взял ее под локоть и повел к лестнице. – Выйдем на улицу, там ветерок. А то у нас духота, кондей сломался еще вчера, до сих пор не починили.

Они спустились вниз и вышли во двор. Действительно, в лицо Марины подул свежий ветер, и ей стало немного легче.

– Это вы от Ковалева идете? – поинтересовался парнишка.

– От него. – Марина кивнула. – А что?

– Да ничего. – Парень ухмыльнулся. – От него частенько в таком виде выходят. Вы потерявшая?

– Если бы. Обвиняемая.

– Да ну, – недоверчиво присвистнул парень. – В чем же вас обвиняют?

– Человека сбила. Насмерть.

– Ух ты. – Юный мент сочувственно и понимающе покачал головой. – С каждым может случиться. Лихачила? Или права купила?

– Ни то, ни другое. По телефону говорила. А там эти кусты дурацкие...

– У нас много дурацких кустов, – философски заметил парень. – А по телефону за рулем говорить запрещено. Прямой путь к аварии.

– Я знаю. – Марина тяжело вздохнула.

– С Ковалевым не договоришься. Это все знают.

– Что вы имеете в виду?

– Ну что. – Парнишка выразительно хмыкнул. – Сами понимаете, не маленькая. Только я вам ничего не говорил. – Он на всякий случай обернулся, но рядом никого не было.

– Ну, я пойду. Вижу, вы пришли в себя. Удачи!

– Спасибо. – Марина медленно двинулась в сторону остановки.

Голову ее атаковал шквал мыслей. Если она верно поняла парня, то пытаться дать денег Ковалеву бессмысленно. С другой стороны – не на это ли он намекал, выясняя про ее материальное положение? Парнишка может по молодости не все знать. Марина поняла, что без мужа эти вопросы ей не осилить, и достала телефон.

– Да, зай! – отозвался Сергей. – Ну как?

– Плохо. Очень плохо, – стараясь сдержать слезы, проговорила Марина. – Петелина, представляешь, родила. И теперь у меня другой следователь. Суший дьявол. Он обещал посадить меня!

– Ты шутишь?! Не может этого быть! Ты же ни в чем не виновата!

– Он так не считает. Напротив, он уверен, что я преступница, убийца и мое место за решеткой.

– Ну это мы еще поглядим! – сердито произнес Сергей.

– Ты бы съездил к нему. Поговорил, как мужчина с мужчиной. Может, стоит предложить ему денег? Хотя... о нем ходит молва, что он неподкупен.

– Я съезжу, зая, непременно съезжу. Посмотрим, подкупен он или нет. Ты сейчас куда?

– Домой, куда еще? А ты? Ты уже освободился?

– Не совсем. Пока еще не в Москве.

– Время уже седьмой час, – возмутилась Марина. – Сколько тебя там будут муржить?

– Думаю, еще полчаса – и выдвигаюсь. Что у нас на ужин?

– Голубцы сделаю по-быстрому.

– Отлично. Обожаю голубцы. До встречи! – В трубке воцарилась тишина.

Марина увидела приближающийся автобус и побежала ему навстречу.

Очувтившись дома, она без сил опустилась на диван в гостиной. Ей хотелось закрыть глаза, заткнуть уши, чтобы отключиться от всего и не вспоминать о недавнем разговоре со следователем. Однако перед ней все стояло его лицо, красное, как у индейца, с пронзительным и безжалостным взглядом. Марина в отчаянии пнула кулаком диванный валик. В это время зазвонил телефон.

Нинка! Они не разговаривали с момента аварии. Нина звонила несколько раз, но Марина не в состоянии была взять трубку. Вместо нее к телефону подошел Сергей и вкратце описал Нине ситуацию. Марина вздохнула и нажала на прием.

– Мариш! Как ты?

– Ужасно!

– Почему ужасно? – испугалась Нина.

– Я только что вернулась от следователя. Мне грозит тюремный срок.

– Господи, – ахнула Нина. – Не может быть! Сережа сказал, что ты ни в чем не виновата и максимум, что будет, это штраф.

– Как бы не так! Теперь это не административное, а уголовное дело. Я же превысила скорость, и свидетели нашлись, которые видели, как я с тобой трещала по телефону.

Нина подавленно молчала. Марина почувствовала, как ее одолевает злость. Все из-за нее, из-за Нинки. Дернул же ее черт тогда позвонить.

– Мариш, ради бога, прости, – пролепетала в трубку Нина. – Мне так неловко. Ну хочешь, я пойду к твоему следователю и скажу, что это я позвонила? Хочешь?

– Да брось ты, – немного смягчилась Марина. – Ты-то здесь при чем? Виноват водитель. Внимательнее надо было следить за дорогой и ехать медленней. Ты прости, я сейчас не могу говорить. Устала как собака, и настроение отвратное. Давай в другой раз?

– Конечно, – тут же согласилась Нина. – Ты, если что надо, сразу звони. Я приеду и все сделаю.

– Спасибо.

Марина отложила телефон и свернулась калачиком на диване, поджав под себя ноги, уютно пристроила голову на мягкой диванной подушке, закуталась в плед и закрыла глаза, совершенно позабыв об обещанных мужу голубцах.

Вернувшийся домой Сергей застал жену мирно спящей в гостиной. Рядом на полу лежал телефон. Сергей вздохнул, поднял его, поправил плед на Марининых ногах и пошел в кухню импровизировать ужин.

10

...На улице настоящая весна, яркий сиреневый май. Птицы щебечут с таким упоением, что кажется – ты в раю. В такие дни я вспоминаю наш двор в пору моего детства. Именно в это время, мы, ребятня, высыпали на улицу с великами и гоняли по асфальтовым дорожкам до одурения. Потом играли в вышибалы, в салки, колдунчики, жгли костерок на пустыре и рассказывали друг другу страшные истории про черный-черный дом и прочую чепуху. Наша компания состояла в основном из мальчишек, но было там и несколько девчат, возрастом от 11 до 13 лет.

Как-то раз мы засиделись почти до ночи. Одно за другим стали открываться окна, рассерженные матери звали нас по домам. И только мое окно оставалось по-прежнему закрытым. Друзья мои разбежались, остались только я и девочка по имени Майя. Она училась в параллельном со мной классе, в той же школе. Майя мне совсем не нравилась – у нее были длинные и тощие руки и ноги, и нос, всегда облупленный и усеянный крупными веснушками. А еще она была обладателем невероятно высокого и пронзительного голоса, который тут же пускала в ход, если считала, что ее пытаются обдурить или дискриминировать в наших дворовых играх.

Теперь мы с Майей стояли во дворе под большим раскидистым тополем, и я видел мурашки на ее костлявых голых плечах.

– Тебе холодно? – спросил я как можно более небрежным тоном.

Она кивнула, при этом ее курносый нос задрался высоко кверху – вероятно, она тоже хотела казаться независимой и взрослой. Я снял с себя джинсовку и протянул ей.

– Зачем, не надо, – проговорила Майя, но джинсовку взяла и натянула на замерзшие плечики.

– Что будем делать? – спросил я ее. – Еще погуляем или пойдём по домам?

– Я не хочу домой, – сказала Майя, и в ее глазах я увидел грусть.

– Почему?

– Там мать с отцом вечно орут, ругаются. Папка пьяный приходит каждый день, мамка с ним тоже выпивает. Он на нее замахивается кулаком. Страшно.

Она говорила это будничным тоном, так просто и доверительно, что у меня невольно сжалось сердце – словно кто-то стиснул его в кулаке.

– Пошли к нам, – предложил я Майе неожиданно для самого себя.

– К вам? – Она подняла на меня удивленные глаза. – Но ведь мы с тобой совсем не дружим...

– Какое значение имеет тут дружба? Посидишь немного спокойно в тишине, мать наверняка уже ужин приготовила. Она у меня классно готовит. У тебя-то небось и жрать дома нечего?

– Нечего. – Майя кивнула и шмыгнула своим вздернутым веснушчатый носом.

– Ну так и пойдём.

Я решительно взял ее за руку. Она была прохладной, маленькой, но удивительно крепкой. Мы зашли в подъезд, поднялись в квартиру. Из-за двери на площадку просачивался чудесный аромат жареной курицы. Я заметил, как Майя украдкой сглотнула слюну. Ключа у меня никогда не было, мама не работала и всегда находилась дома. Я позвонил. Тишина. Обычно мама тут же бежала открывать. Неужели она про меня совсем забыла? И домой не зовет, и в квартиру пустить не спешит. Майя смотрела на меня с тревогой. Я снова нажал на звонок. Тот же результат. Может, мама куда-то ушла? Ужин приготовила и вышла по делам? К соседке тете Кате, например.

– Мне, наверное, лучше уйти, – робко проговорила Майя.

– Стой тут. – Я крепче сжал ее руку.

Отец с самого малышоваго возраста приучил меня к тому, что мужчина должен заботиться о женщине. Даже если эта женщина – двенадцатилетняя веснушчатая соплячка с тощими голыми и ободранными коленками.

– Стой, – повторил я и в третий раз нажал на кнопку.

И тут в коридоре за дверью раздались шаги. Странные это были шаги – мама обычно ходила быстро, почти бегом. А эти шаги были медленными и тяжелыми, шаркающими, как у столетней бабки. Спине стало прохладно, я почувствовал, как на руках выскочили мурашки. Дверь распахнулась, и на пороге перед нами предстала мать. Она была неузнаваемая. Обычно веселая, беспечная, белокурая и голубоглазая, напоминающая порхающую бабочку, сейчас она вся поникла и съежилась, став значительно меньше ростом. Лицо ее было бледным и заплаканным, глаза опухли, подбородок дрожал.

– Вова... – она не договорила, махнула рукой. – Заходи.

– Мама, это Майя. – Я указал на сжавшуюся за моей спиной девчонку. – Можно, она поужинает у нас?

– Майя... – все тем же рассеянным тоном произнесла мать. – Да... да... конечно... заходите оба...

Гнетущее тоскливое чувство возникло у меня под ложечкой и быстро-быстро разлилось по всему телу, достигнув самых кончиков пальцев. Что-то было не так. Но что?

Я зашел в прихожую, Майя несмело шагнула вслед за мной. Мать как-то странно взглянула на меня и быстро ушла в комнату.

– Разувайся, – велел я Майе, – тапочки вон там. И сразу мыть руки.

К этому меня тоже приучил отец – пришел в дом, срочно мыть руки с мылом не меньше полминуты. Майя послушно стянула старые, стоптанные кроссовки и надела гостевые тапки. Я включил ей свет в ванной, и она скрылась за дверью. Хлынула вода из крана. В проеме между комнатой и коридором снова показалась мама. Лицо ее было искажено гримасой боли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.